

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (К ОБОСНОВАНИЮ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ)

В статье обосновывается система теоретических и методологических установок анализа метафорического фрагмента языковой картины мира: совмещение приемов анализа языка и речи, языка в его синхронном и диахронном состоянии, в его внутренней и внешней обусловленности (процессами когниции, социальными и культурными факторами). С заявленных теоретико-методологических позиций анализируются метафорические фрагменты концептов «время» и «звук».

Проблема этнического самосознания и идентификации осознается в системе современного гуманитарного знания как одна из актуальных, базовых в постановке и разрешении проблем межкультурного диалога, диалога культур в пределах одного этнического сообщества. Одной из важнейших составляющих этнической самоидентификации, на наш взгляд, является картина мира - тот образ мира, который формируется в процессе этнического самоопределения, модель мира, составляющая основу мировопредопределения и мироопределения человека, принадлежащего к определенной культуре. Представляется существенно важным отметить двойственность бытования картины мира - в варианте необъективированном, или полубъективированном, как неопредмеченный элемент сознания и жизнедеятельности человека, и объективированном в виде опредмеченных образований - различных «следов» - в языке, в жестах, в культовом и светском изобразительном искусстве и пр. [1. С. 21]. В нашем сознании картина мира существует, отмечает В.И. Постовалова, в довольно смутном виде, в неопределенном и неотрефлексированном состоянии. «В своем необъективированном состоянии (как картина мира) она не дана сознанию во всей своей полноте... Как глубинный слой миропонимания человека, картина мира не всегда может быть адекватно выявлена в актах саморефлексии самим носителем этой картины и может даже вообще не осознаваться как наличествующая у человека» [1. С. 23-24].

В системе средств объективации картин мира язык занимает базисное положение, так как является семиотической системой, опосредствующей действие других знаковых систем. Вследствие этого моделирование картины мира народа может быть осуществлено через языковую картину мира, которая при этом в настоящее время является наименее отрефлексированной научным сознанием: идет становление терминологического аппарата, методов ее реконструкции, моделирование отдельных фрагментов [2-6 и др.].

В работе в качестве ядерного избирается материал метафорического моделирования концептов. Значимость исследования в первую очередь метафорического моделирования определяется, на наш взгляд, базисностью метафорического моделирования смыслов в языке в целом, его генетической первичностью в выстраивании семантики естественных языков (элементы мифологического мышления), тем, что обширные, ключевые концептосферы русского языка моделируются через метафорические смысловые схемы. Б. Ли Уорф, выстраивая концепцию лингвистической относительности, предвосхитившую во многом современные теории языковой картины мира, подчеркивал роль мета-

форы в процессах языкового моделирования: средством объективации многих абстрактных категорий - длительности, интенсивности, направленности и др. - в языках «среднеевропейского стандарта» выступают метафоры, «это зашло так далеко, - отмечает Б. Уорф, - что мы постоянно обращаемся к метафорам, даже когда говорим о простейших непространственных ситуациях. Я схватываю *нить* рассуждений моего собеседника, но если их *уровень* слишком *высок*, мое внимание может *рассеяться*, потерять *связь* с их *течением*» [7. С.151].

Ряд современных теоретиков подчеркивает всеобщность «фактора метафоры» в существовании языка. В когнитивной лингвистике и психологии метафора интерпретируется не только как феномен языка, но и как феномен сознания, повседневная концептуальная реальность, когда мы думаем об одной сфере в терминах другой: «Метафорична сама мысль, она развивается через сравнение, и отсюда возникают метафоры в языке. Об этом важно помнить, если мы хотим совершенствовать теорию метафоры. Нашим методом должно стать пристальное наблюдение над умением мыслить» [8. С. 47].

Метафора как принцип организации сознания воплощается в языке: «то, что метафора - вездесущий принцип языка, подтверждается простым наблюдением. В обычной связной речи мы не встретим и трех предложений подряд, в которых не было бы метафоры» [8. С. 46]. Метафора интерпретируется не как маргинальное, но как центральное явление, проявляющее самую сущность семантического устройства языка.

Генетическая, онтологическая и функциональная базисность определяет регулятивную значимость метафоры в современном мироопределении человека. В связи с этим особую актуальность приобретает исследование соотношения в метафорическом моделировании семантики естественного языка логических и мифологических, пред- и сверхлогических компонентов, общечеловеческого и идиоэтнического.

В данном контексте одной из центральных является проблема своеобразия языкового метафорического миромоделирования, наиболее латентного и в то же время глубинного и базисного типа картин мира, и его соотношения с другими миромоделирующими системами.

Такая постановка проблемы требует обращения к методологическим установкам когнитивизма, направления, активно развивающегося в мировом языкознании в последнюю треть XX в. и получающего все более широкое распространение в России.

В отличие от традиционных лингвофилософских теорий, интерпретирующих мышление как некое трансцендентное явление, не зависящее от конкретного воплощения, процесс мышления - как некие алгоритмические

операции с символами, являющимися внутренними представлениями внешней действительности, когнитивная лингвистика описывает «воплощенное» мышление, обусловленное телесным, перцептивным, моторным опытом человека. В интерпретации когнитивной лингвистики мышление предстает как образная система, огромные смысловые пространства которой не являются непосредственным отражением действительности, но предстают в системе метафорических и метонимических образов.

В противоположность положениям о логичности мышления, когнитивная лингвистика формирует представление об «экологическом мышлении», оперирующем гештальтами.

Принципиально иным способом интерпретируется и взаимоотношение мышления с языком. Язык рассматривается не как автономная система, а как способность, обусловленная общими когнитивными механизмами, как открытая система, свойства которой определяются общими процессами концептуализации, связанными с различными областями человеческого опыта; утверждается взаимозависимость, взаимовлияние разных уровней в процессе анализа человеком языковых сообщений [9].

Изменение оснований теории обуславливает и изменение методологии исследования. Когнитивная лингвистика реабилитирует интроспекцию как метод научного анализа, возможность опираться в языковом анализе на интроспекцию, суждения информанта, обычно исследователя; выдвигает требование субъективизации лингвистических исследований, подразумевающее учет социальных, культурных и пр. факторов, фоновых знаний и прошлого опыта индивида и социальных групп.

Следствием этого является изменение представлений о границах языковой семантики: формулируется положение о размытости границ собственно языковой и неязыковой семантики, об обусловленности языковой семантики прагматическими условиями ее реализации, значимости выявления компонентов так называемого сверхглубинного уровня, элементов культурного фона, логических, психологических презумпций реализации языковой семантики.

Методики компонентного и дистрибутивного анализа, с помощью которых лексическое значение моделируется как достаточно жесткая, иерархически организованная структура компонентов, дополняются приемами текстологического анализа, базирующимися на использовании метода интроспекции, - логического определения собственной языковой интуиции при объяснении возможности или запрета на то или иное текстовое сочетание. Приведем пример возможных вариантов реализации заявленной методики. Рассмотрим языковую метафору *Лампа тихонько фукнула*. Эта метафора в словаре (здесь и далее словарные значения даются по «Словарю русского языка» [10]) имеет следующее толкование: *ФУКАТЬ* - «погаснуть, издав глухой, отрывистый звук». Это результативное значение (РЗ) слова, метафорически соотносимое с исходным значением (ИЗ): «произнести "ф-ф", "фу", с шумом выпуская воздух из рта».

В этом случае метафорический перенос наименования основан на сходстве *звукотипов* - акустических

параметров звучания. Прежде всего актуализированы такие акустические параметры: шумный, глухой, короткий звук. В метафорическом значении происходит смена источника звучания: одушевленный субъект, человек —* неодушевленный (предмет). Как видим, при анализе номинативной метафоры вполне достаточен традиционный компонентный анализ. Трудности возникают при анализе оценочной метафоры. Рассмотрим следующий пример: *А скоро фукнул без всяких объяснений куда-то опять Петруха, и Катерина снова перебралась к Дарье* (Распутин). Дифференциальные семы, характеризующие акустические параметры, при метафоризации не задействованы. Оценочное метафорическое значение «внезапно уехать» основано на *звукообразе* - элементах «второго плана», свойственных ситуации, именуемой глаголом: периферийные, эмотивные, символические и т.п. смыслы. Звукообраз характеризует действие как интенсивное и внезапное. Кроме того, значимым является еще и способ произведения этого звука: выдувание воздуха ртом, имитирующее ветер и образно передающее исчезновение, опустошение. О наличии такого элемента этого звукообраза свидетельствует и метафора *профукать денежки*. Этот метафорический лексико-семантический вариант (ЛСВ) позволяет говорить о таком типе звучания как о малоосмысленном.

При таком подходе к анализу изменяется представление об иерархии методов: «Строгие, формальные и операционные, методы исследования опираются в конечном итоге на интуитивные, интроспективные данные, касающиеся, в частности, отмеченности или неотмеченности результатов тех или иных операций, эквивалентности или неэквивалентности в том или ином отношении объекта и результата операций» [11. С. 19].

При учете принципиального различия языкового и речевого существования элементов языка в современной лингвистике существует тенденция к преодолению разрыва «лингвистики языка» и «лингвистики речи». Исследовательские интересы перемещаются на поле совмещения «языка» и «речи»: «Совершенно «независимое» от контекста и ситуации значение и чисто контекстуальная импликация - это всего лишь идеализированные полюса, между которыми - «переходные случаи». В каком-то смысле реально существуют лишь переходные случаи, и даже тогда, когда мы подводим случай под ту или иную жесткую рубрику, фактически имеет место лишь «перевес» в ту или иную сторону» [11. С. 17].

В основе общего метафорического фонда языка лежат единые когнитивные процессы, модели метафорического уподобления. Практически любая языковая узуальная метафора способна задать модель метафорического уподобления, определить возможные направления смыслового развития так называемых авторских, окказиональных метафор.

Диапазон метафорического уподобления может быть очень широким, но все же соотносимым с базовой, узуальной метафорой, ассоциативное поле задается системой фреймов исходного элемента метафорического уподобления. Окказиональные метафоры базируются на общезыковых моделях аналогического межкатегориально-

го уподобления и лишь на основании привлечения этих данных могут быть проинтерпретированы.

Например: *Апрель вступал в свои права. Зелень полей ярче выявлялась под бледно-оранжевым светом, неповторимом в своём оттенке светом над цветущей гранадской долиной* (Карпентьер, перевод Тыняновой); *Весна хозяйничала напропалую: сквозь мох и плесень повсюду пробивались ростки, листовницы зазеленели, из травы светло выглядывали изумлённые цветы, и всюду распевали птицы* (Толкиен, перевод Муравьёва); *Разгул весны* (Губерман). Здесь последовательно разворачивается, акцентируется способность отрезков времени выступать в роли хозяина на какой-то местности от *хозяйничать* («Вести хозяйство, заниматься хозяйством») до *разгула* («Буйное, безудержно-весёлое времяпрепровождение»). Или: *«Турбин сделал десять лишних шагов и вышел на Владимирскую улицу. Тут сразу тревога крикнула внутри...»* (Булгаков). Языковая метафора *кричать* может характеризовать сферу внутреннего мира человека, эмоциональное состояние - *«душа кричит»*, *«все во мне криком кричит»*.

Достаточно часто метафора такого рода встречается и в текстах. Она сохраняет живую эмотивность. Но у данного глагола есть еще один аспект значения, характеризующий звучание с другой стороны - со стороны слушающего, его воспринимающего: «привлекать внимание к чему-либо, предупреждать об опасности». В тексте М. Булгакова окказиональная метафора образована посредством совмещения этих двух значений, актуализацией одновременно двух семантических комплексов. Данная метафора характеризует внутреннее состояние героя, на что указывают имя субъекта и обстоятельство места, но в то же время актуализированы и смыслы «привлечь внимание, предупредить об опасности», т.е. действие (звучание) осознается одновременно и как внешнее по отношению к объекту, воспринимающему его.

Одна из самых кардинальных методологических сдвижек современного языкознания - принципиальное совмещение методик синхронного и диахронного анализа в практике семантических исследований. Это преодоление совершается на базе достигнутых успехов лингвистики XIX и XX вв., сформировавшей четкое представление о приемах исследования языка как синхронной системы и языка как развивающейся системы.

Признание языка в рамках современной научной парадигмы не просто системой, но «системой средств выражения, служащей определенным целям», обуславливает необходимость рассматривать синхронию как момент диахронического развития языка, несущего в себе следы былого состояния, начатки будущих состояний. В соответствии с такими тенденциями в исследовании языковых процессов представляется продуктивным рассмотрение в едином комплексе «живых» языковых, окказиональных и генетических, «мертвых» метафор.

Ю.С. Степанов, давая определение термина «концепт», выделяет в его смысловом строе «три компонента, или три «слоя»:

(1) основной, актуальный признак (разрядка авторская. - Р.З.),

(2) дополнительный, или несколько дополнительных, являющихся уже не актуальными, «историческими»;

(3) внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней, словесной форме» [12. С. 44].

Подобный взгляд на природу смысла требует коррекции метода его исследования: «Поскольку концепт имеет «слоистое» строение и разные слои являются результатом, «осадком» культурной жизни разных эпох, то с самого начала следует допустить, что и метод изучения окажется не одним, а совокупностью нескольких различных методов [11. С. 46]. Внутренняя форма слова, в том числе и метафорическая, есть факт коллективного языкового сознания и может быть актуализирована в контексте. Например, во фрагменте *Время* (дело известное) *летит* иногда птицей, иногда ползёт червяком... (Тургенев) актуализация метафорической внутренней формы происходит с помощью развёрнутого сравнения. Текстовая актуализация образа генетической метафоры возможна с помощью образования новых окказиональных метафор по существующей модели метафорического смыслообразования: *Время шло. Вернее, ковыляло. Ещё вернее, едва тащилось, агонизируя и грозя вот-вот остановиться* (Мелихан).

Языковая метафора в текстовом фрагменте *«Вещий сон гремит, катится к постели Алексея Турбина»* (Булгаков) «оживляется» в условиях сочетаемости с замещенной позицией субъекта действия-звучания. Изменение сочетаемости (употребление имени абстрактной сущности) влечет за собой актуализацию первоначального мифологического значения данного звучания. Возможность такой сочетаемости основывается на скрытом мифологическом значении глагола, который актуализируется посредством употребления имени *СОН* - «то, что находится по ту сторону сознания, не является человеческим». *ВЕЩИЙ СОН* - «откровение, то, что дано свыше».

Нужно отметить, что стереотипное представление о звучании фома как выражение божьего гнева - это устойчивый мифологический мотив, который встречается почти во всех культурах. Мы полагаем, что этот тип звучания является символическим. «На первобытном уровне божественное предначертание символизируется в определенных физических звуках: таким символом часто служит порывистый ветер, а так называемый бык-ревун (трещотка, имитирующая завывание ветра) используется в некоторых индейских племенах Северной Америки и у других народов для изображения голоса призываемых и воодушевляемых ими сверхъестественных сил. Часто раскат фома воспринимается естественным образом как звуковое воплощение или репрезентация божественного указания» [18. С. 106].

Таким образом, при разрешении проблемы фаниц и способов метафорического моделирования языковой картины мира методологически важным является максимально широкое определение фаниц понятия языковая метафора. В качестве интегральных признаков выделяются: а) выраженность языковыми средствами; б) двудеятельность смысла на основе аналогического упо-

добления с выходом за пределы естественных родов. Т.е. в объект анализа включаются (в принятой лексикологической трактовке терминов) собственно узуальные лексические метафоры (*стучать языком, свиснуть в ухо, воркующая парочка, душа поет, Он [телевизор] жрёт много времени*). Расширение материала по отношению к традиционно лексикологическому происходит, с одной стороны, за счет включения словообразовательных, фразеологических единиц, смыслы которых выстраиваются по метафорической модели (*идти в ногу со временем, криком кричать, годы состарили кого-либо, у нас много (нет) времени*). С другой стороны, расширение материала осуществляется за счет включения так называемых генетических (*время идет, тратить время, золотое время, высокий звук, мотор чихает*) и авторских (окаzionaliальных) метафор (*Солнце шло сторонкою, да время - стороной* (Башлачев); *Я вдруг оглянулся: вокруг никого. / Пустынно, свежо, одиноко. / И я — собеседник себя самого -/ у времени с боку припёка* (Губерман); *Королёв совершенно не умел отдыхать... Когда у нас появились машины, и я со своей возишя, Королёв приходил в ярость: машина воровала время* (Голованов); *Да-с, смерть не замедлила. Она пошла по осенним дорогам вместе с сухим веющим снегом. Стала постукивать в перелесках пулеметами; Птица оглушительно стучала у него в голове — кити, кот, кити, кот!; «Турбин сделал десять лишних шагов и вышел на Владимирскую улицу. Тут сразу тревога крикнула внутри и очень отчетливо малышевский голос шепнул: "Беги!"»* (Булгаков); *Живи, живи под шум календаря, о чем-то непрерывно говоря* (Бродский).

Как видно из приведенных выше примеров, своеобразие миромоделирующей функции метафорических номинаций определяется особенностями ее семантической структуры, свойством смысловой двуплановости, соотносительностью исходного и результативного образов в целостной метафорической номинации. При этом относительно самостоятельной миромоделирующей силой выступают все три элемента смысловой структуры метафорической номинации: исходный образ, результативный образ, аспект их соотношения. Подчеркнем момент относительной самостоятельности каждого из элементов, так как специфика их миромоделирующего потенциала выявляется только во взаимных отношениях. Исходное и результативное значения выступают в качестве своеобразных призм, фокусирующих смыслы друг друга. Основания метафорических уподоблений (база метафоры, исходное мотивирующее значение), образуя некую систему призм, через которую интерпретируется именуемый фрагмент действительности, выявляют набор ментальных конструкторов, фрагменты ментально-языкового поля данной культуры, особенности эмоциональной и интеллектуальной интерпретации какого-либо явления.

Результативное, производное, собственно метафорическое значение также может интерпретироваться в качестве своеобразной призмы, высвечивающей культурно значимые смыслы исходных баз метафорических номинаций. Их систематическое исследование, описание метафорических номинаций с точки зрения

систем оснований метафорического уподобления также может быть весьма информативным для выстраивания ментально-языкового поля русскоязычной культуры. Различия исходных значений, обладающие разным потенциалом метафорического развития, формируются в процессе длительного существования культуры, фиксируя в составе глубинных смыслов элементы древних мифологических представлений об объектах, отражая включенность или невключенность в целостную мифологическую систему воззрений предмета в единстве с его именованием.

Метафора обращает исследователя именно к культурно значимым смыслам, совокупностям образов, мнений, «заблуждений», мифологем, связываемых с каким-то конкретным объектом. В метафорическом зеркале выявляются собственно языковые смыслы исходных значений соответствующих имен, порой в определенном смысле противоречащие так называемой энциклопедической информации. В этом заключается еще одна важная особенность миромоделирующей силы метафорической номинации, которая предстает как диалектическое единство взаимопроникающих и взаимоопределяющих существование друг друга элементов логического и до- и постлогического отражения.

Предлогическое в метафоре - это преобразованный опыт нашей телесной жизни, ощущений, физической активности, в основе своей доязыковой, первая исходная база логической интерпретации языком, и представлена она прежде всего лексикой с конкретно-предметными значениями, создающими базу метафорического переосмысления сферы абстрактного. Смысл метафорической номинации в этом аспекте может быть проинтерпретирован как языковой способ «возвращения» человека к первичности его телесных ощущений, что обеспечивается сосуществованием первичного перцептивного образа и вторичного, логического. Метафора интерпретируется как языковой способ объективации существенно важной стороны образа - единства его чувственной и нечувственной стороны [14. С. 49], позволяющего «воплотить в чувственном образе бестелесную и труднодостижимую абстракцию» [16. С. 54].

К сверхлогическому, коллективному бессознательному, системе мифологических представлений обращают человека и отдельные метафоры, выполняющие, по сути, символическую функцию, переходя таким образом в другой номинативный класс - класс символов.

Определенные метафорические модели отражают системы мифологических образов, отражая в структурах естественных языков своеобразные осколки мифологических представлений. Так, например, мифологична циклическая модель времени, жизни и судьбы. Авторские метафоры в художественных текстах, построенные по моделям «детство, юность - это утро», «вечер - это старость», «закат - это старость», «молодость - это весна» восходят к базовой метафорической модели «жизнь человека - это природный цикл»: «*То было утро наших лет*» (А.К. Толстой); *Он мне единой посвятил Рассвет печальный жизни бурной!* (А. Пушкин); «*Жизнь твоя близится к закату*» (А. Чехов), что вписывается в более общую мифологическую модель восприятия времени как цикла,

«бесконечных возвратов и повторов одних и тех же событий, общности человеческих судеб на всех кругах бытия» [19. С. 101].

Наконец, мифологическая структура может быть выявлена как результирующая всей системы метафорических переносов, например, системы метафорических осмыслений образов звучащего мира, как это представлено в работах Н.А. Мишанкиной. Анализ метафорических образов звучания дал основания предположить, что модель восприятия, существующая в сознании, структурируется, по крайней мере, из следующих блоков.

Досознательная часть модели мира сформировалась в наиболее ранний период развития человечества: «Не только человечество, но каждый отдельный человек находит в себе, раз пробудившись к полному сознанию, готовое мировоззрение, в сложении которого он не принимал участия. Он получает его как дар природы и культуры», отмечает Э. Мах [1. С. 58]. К.Г. Юнг писал: «Формами придания смысла нам служат исторически возникшие категории, восходящие к туманной древности, в чем обычно не отдают себе отчета» [17. С. 121].

Бессознательная часть - следующий этап развития базовых моделей, их культурное преломление. Для отдельного индивида эта система социальных, конвенциональных реакций на явления действительности, которая задается с раннего детства, во многом она обусловлена языком, зафиксировавшим изначальное моделирование мира. «Придавая смысл, мы пользуемся языковыми матрицами, происходящими, в свою очередь, от первоначальных образов» [Там же].

Осознанная часть - выявленные при сопоставлении различных картин мира бессознательные модели мировосприятия: индивидуальная противопоставляется общенациональной в процессе личностного становления индивида, межкультурная или межнациональная специфика миромоделирования выявляется в ситуации межкультурного, межэтнического диалога.

В.И. Поставалова отмечает, в свою очередь, что важнейшей особенностью концептуальной картины мира (ККМ) является ее безусловная *внутренняя достоверность* для субъекта [1. С. 46]. А все, что связано с деятельностью сознания, требует логического обоснования и может быть подвергнуто сомнению. Это, по нашему мнению, подтверждает гипотезу о наличии в ККМ досознательного пласта. На современном этапе тесную связь языка и мифа постулирует Э. Кассирер, он пишет о существовании двух типов мышления, принципиально отличных друг от друга: а) дискурсивно-логическом; б) лингво-мифологическом, относя язык к базовым метафорическим сущностям, вобравшим в себя глубинные мифологические структуры [18. С. 38].

Концепт «звук» представляет интерпретирующую силу метафоры, прежде всего через основание метафорического уподобления, в формировании этого концепта велика роль предметно-чувственного, действенного, предлогического опыта человека, который в системе метафорических уподоблений переносится в сферу абстрактного.

Мифологическая модель мира также может быть воссоздана посредством анализа звуковой метафоры. При анализе метафорических переносов этого типа

выявляется первичная дифференциация объектов мира и его четкое структурирование. Например, восприятие человеком определенных типов объектов как на опасных {рычание} или неопасных {писк}, принадлежащих той или иной сфере действительности, в зависимости от типа звучания, издаваемого ими.

В такой модели выявляются три сферы действительности, противопоставленные в сознании человека друг другу поэтапно:

1 этап - противопоставление сферы живого и неживого.

2 этап - противопоставление в сфере живого животного и человека.

Названное противопоставление подтверждает положение об антропоцентризме мировосприятия человека, который последовательно реализуется во всей когнитивной деятельности - человек осознает себя центром мира, наиболее актуальным и переживаемым объектом. Нормой восприятия звучания являются акустические параметры звучания человеческого голоса, об этом свидетельствует тот факт, что метафорические варианты лексемы голос не выражают пейоративной оценочности. можно сказать, что человек - это его голос, его речь. Это подтверждает и ряд метафорических значений лексемы ГОЛОС - «проявление индивидуальности (в т.ч. и наличие своего художественного стиля)»: *(Иметь свой голос. Канарейка с голоса чужого — Жалкая смешная побрякушка* (Есенин); *Ночи, достойные голоса Гомера* (Бродский). Эта метафора позволяет говорить о том, что человек осмысляет собственную индивидуальность непосредственно через вербальное звучание, и это подтверждает факт подсознательного отношения к языку как к высшему виду деятельности. Метафоры звучания человека актуализируют компоненты значения, апеллирующие к эмоциональной сфере. И здесь мы можем говорить о том, что в основе переноса зачастую лежит ощущение созвучия эмоциональных состояний, например: *Громадные стекла двери дрожали ежеминутно, двери стонали* (Булгаков). В данном контексте языковая метафора позволяет передать эмоциональный тон всей ситуации: ощущение страдания, мучительности ситуации.

Лексемы, обозначающие звучание животного мира, порождают по преимуществу яркие образно-оценочные метафоры, вероятно, потому, что животный мир, как и человек, составляет сферу живого. Животные - одушевленные существа, и поэтому представляет собой конкурирующую сферу, в большей части воспринимаемую с пейоративной оценкой {*Слышь, пьяницы за рекой режут!* (Даль)). Звучание животных тесно связано с образом конкретного животного или ситуации, при восприятии его могут быть не актуальными даже акустические параметры: МУРЛЫКАТЬ - ИЗ: издавать мурлыканье (тихое урчание), о кошке. *Серая кошечка замурлыкала довольно. Домурлыкался кот мо-лока* (Даль). РЗ: говорить мягким голосом, приговаривать. *Мурлыкать что-то себе под нос. - Ну, миленький, сделай это для своего котика, - замурлыкала я* (Милевская). Физические параметры звука (негромкое, неголосовое, шумное, низкого тона) оказываются в данном случае неактуальными, более значительна

эмоциональная окрашенность ситуации, связанная с образом домашнего животного - кошки. Актуализируются смыслы, несущие информацию о признаках субъекта (небольшого размера, ласковый, обладающий свойством успокаивать) и его действиях. Оценивается поведение и состояние субъекта звучания, ярко проявлены эмотивные смыслы: удовольствие, ощущение уюта, спокойствия. Кроме того, полагаем, что можно назвать и еще один фактор, связанный с восприятием звучания кошки, - умение устанавливать контакт, быть ласковой.

Лексемы, именующие звучание сферы неодушевленного, порождают большое количество оценочных метафор, но оценка эта в большинстве случаев достаточно прагматическая, рациональная. Малое количество эмотивных метафор мы беремся объяснить «холодностью» человека к неодушевленным объектам - они не вызывают эмоционального отклика, оцениваются скорее утилитарно, ср., например: *Обиженный мальчишка хлопает в углу*. Кроме того, значение лексемы не «привязано» к конкретному образу ситуации, ему может соответствовать целое множество ситуаций - звучание воспринимается общо - лишено конкретности, оцениваются по преимуществу акустические параметры. Например: *Вместо слабых мира этого и сильных - лишь согласное гуденье насекомых* (Бродский). Здесь метафорически заостряется противопоставление трех типов субъектов: неживое (гуденье) - живое (насекомое) - живое (человек). Все три субъекта метафорически отождествляются и возникает трехплановая перспектива. Такое отождествление доказывает наличие в сознании русского человека трехчленной структуры мира, осознаваемой как противопоставление сфер живого и неживого, и более жесткой оппозиции: животное - человек.

В метафорической модели звучания отражена пространственная ориентация по вертикальной и горизонтальной оси. В горизонтальном пространстве вычленяются несколько подпространств, по-разному оцениваемых человеком: сфера дома - к этой сфере относится звучание человека и некоторых домашних животных (*мурлыкать песенку*), музыкальное звучание (*сердце поет*). На периферии этой сферы находится звучание артефактов, близких по акустике к параметрам звучания человеческого голоса (*Многая лета!!! - зазвенел, разнесся по всему собору хор* (Булгаков)) и звучание неопасных, пассивных натурфактов (вода, деревья: *Тихо речь журчит*). Эту сферу можно назвать сферой взаимодействия.

Другая сфера - сфера одностороннего воздействия со стороны человека - охватывает такие объекты, как дворовые животные, оцениваемые как обладающие низким интеллектуальным уровнем: *Жихарь встал и, запинаясь, начал мычать и блеять столь жалобно, что сразу стало ясно: такой не то что новеллу рассказать — с девкой-то объясниться сможет единственно на пальцах* (Белянин). Это пространство функциональное, рабочее, не опасное для жизни.

Третья сфера, не попадающая под воздействие человека, воспринимается им как опасная, охватывает звучание диких животных, неодушевленных объектов.

Центром этой иерархической системы является человек, который, в свою очередь, собственное звучание представляет как некий микрокосм, моделируя человеческую реальность как реальность внешнюю. При восприятии звучания человека, можно четко дифференцировать в нем несколько подпространств: собственно человеческое, прототипическое, связанное с высшими проявлениями и репрезентируемое голосовым вербальным звучанием. Эмоциональное, связанное с эмоциональными проявлениями, граничащее с природным и, в конечном итоге, связанное со сферой творчества, жизнью, выражаемое голосовым невербальным звучанием. Физиологическое, связанное со сферой телесного, неодушевленного.

Интерпретирующая сила метафоры становится очевидной при анализе ряда базисных концептов в концептосфере русского языка. Так, например, концепт «время» получает абсолютно преобладающее метафорическое представление в языке, анализ этого концепта позволит показать моделирующие возможности метафоры в ее результативной части. Одна из моделей времени реконструируется следующим образом.

Время метафорически уподобляется субъекту, совершающему действия, влияющие на сферу абстрактного. Так, оно способно разрушать и даже уничтожать различные абстрактные явления, например: *По всем признакам, время расшатывало королевскую власть* (Искандер).

Сравнительный анализ исходного и переносного значений глаголов, с помощью которых выражается такая деятельность времени, позволяет обрисовать данный фрагмент русской языковой картины мира. Например, при сравнении исходного «сделать шатким, неустойчивым, непрочным» и результативного (метафорического) значения «привести в состояние упадка, ослабить», представленного в приведенном контексте, свидетельствует, что время уподобляется субъекту, совершающему многократное действие, результат которого выявляется только постепенно, и то, что казалось прочным, незыблемым, под таким воздействием времени оказывается неустойчивым, *расшатанным*. Подобное воздействие времени, как видно из приведенного контекста, среди явлений абстрактного порядка характерно прежде всего для каких-либо социальных институтов.

Метафорическое значение *гасить* «не давать развиваться чему-л.; подавлять, заглушать» в контексте *Годы гасят чувства* является переосмыслением исходного значения «прекращать горение, свечение; тушить». Подобная интерпретация действия времени основывается на наблюдении за тем, что человеку сложно сохранять сильные эмоциональные переживания на протяжении длительного времени. И такая модель может обозначать и ситуации, оцениваемые человеком не только не негативно, но и положительно (например, *время лечит*). Сам же процесс метафоризации происходит здесь следующим образом: если чувства нередко в поэтических текстах уподобляются огню, пламени, то время, соответственно, интерпретируется как субъект, заглушающий такое горение, что и позволяет отнести рассматриваемое метафорическое сочетание к разряду деструктивных, так как *горение чувств* в дан-

ном контексте воспринимается как явление положительное. К этому же типу можно отнести ряд метафор, интерпретирующих время в качестве разрушителя каких-либо абстрактных явлений, например: *А дунуло время своим ветерком и унесло любовь, как пушинку* (В.Д. Иванов); *Суров к подругам возраста мороз, / выстуживают нежность ветры дней* (Губерман); *И поэтические строки испытывают разрушительную силу медленно урагана времени: и порой строки, восхищавшие нас пять лет назад, вызывают ныне ироническую усмешку и чувство неловкости за себя тогдашнего* (Поляков).

Однако в ряде случаев время метафорически интерпретируется и как субъект, вносящий положительно оцениваемые изменения в эмоциональную сферу жизни человека, несущий облегчения его страданиям: *- Когда-то я была помолвлена,, только вот жениха моего убили на войне. - Время притушило боль этих слов* (Маршалл, перевод Архангельской). Ср.: *Притушить*. РЗ: «загасить, потушить», ИЗ: «сделать менее резким, громким, менее ярким; приглушить».

Процесс метафоризации здесь аналогичен проанализированному в примере *гасить чувства*. Однако если в первом случае описывалось уничтожение временно положительно оцениваемых эмоций, то во втором - время способствует избавлению от страданий путём тушения источника этих страданий. Ср. также: *Время всё сглаживает... Я больше не могла ненавидеть* (Ларни, перевод Богачева). *Время... постепенно притупляю мои старые страхи* (Толкиен, перевод Кистяковского). *В её словах чувствовалось острое, не смягчённое временем горе* (Чернов); *- Это у вас пройдёт, дорогой коллега. Время излечивает всё, даже самые глубокие сердечные раны* (Упит, перевод Глезера).

Представляется возможным сделать вывод о том, что для русского языкового сознания использование метафорической модели воздействия времени на сферу абстрактного наиболее актуально при описании каких-либо эмоциональных переживаний человека. Время в такой ситуации предстаёт как субъект, устраняющий или значительно ослабляющий эти переживания. В соответствии с этим и оценка воздействия времени зависит от оценки объекта такого воздействия: если эмоции, подверженные деструктивному влиянию времени, воспринимаются отрицательно, то такое влияние оценивается положительно, и - наоборот.

В результирующем значении метафоры предстает тот или иной способ и его результат ментального конструирования действительности, определенный способ преобразования предметно-чувственного опыта в логический.

Описание типовых моделей метафорического уподобления в пределах метафорических полей приводит к выявлению их сложной внутренней организации, систематизирующим началом которой выступают отношения элементов глубинной семантики исходных баз метафорического уподобления единиц одного семантического поля. (На этом основании выстраивается идея базисных метафор в концепции Дж. Лакоффа, и М. Джонсона [13].) Базисная метафора задает модель метафорического уподобления, в сферу действия этой модели втягиваются единицы, организуемые

фреймом мотивирующего, исходного значения единицы. Сила действия метафорической модели такова, что как далеко бы ни были отдалены от центра фрейма исходного значения основания окказиональных метафор, они осознаются именно в связи и на фоне базисной модели. Так, например, авторская метафора В. Набокова в рассказе «Весна в Фиальте» *«Вновь и вновь она впопыхах появлялась на полях моей жизни, совершенно не влияя на основной текст. Раз, когда моя семья была на даче, а я писал, лежа в постели, в мучительно солнечную пятницу, (выколачивали ковры) я услышал ее голос в прихожей...»* является окказиональным элементом обширного метафорического поля в системе русского языка, который можно обозначить как «жизнь - это текст». Эта метафорическая модель входит через актуализацию разных аспектов в ряд более общих метафорических моделей «жизнь - это книга», «жизнь - это произведение искусства». Ср., например: *«Потом я опять пытался погрузиться в обдумывание того, с чего надо начать писать жизнь»* (Бунин. Лица); *Отдельная человеческая жизнь стала Божьей повестью, наполнила своим содержанием пространство вселенной* (Б. Пастернак. Доктор Живаго); *«Снова и снова перелистываю эти жалкие воспоминания и все допытываюсь у самого себя...»* (В. Набоков. Лолита); *«...в тоске мучилась она и вспомнила утро в парке, когда Обломов хотел бежать, и она думала тогда, что книга ее жизни закроется навсегда, если он бежит»* (Гончаров. Обломов); *«Ей вспомнилась теперь повесть их короткой любви - от первой встречи до того дня, когда она увидела, как падал с высоты самолет»* (Саянов).

Интерпретация подобных авторских метафор опровергает мнение об исключительной прихотливости метафоры, ее значительно меньшей регулярности, нежели система метонимических переносов, ярко выявляя тот факт, что в организации метафорических полей существенно важные организующие функции выполняют именно метонимические связи метафоризирующих имен в пределах соответствующих фреймовых и межфреймовых структур. Окказиональность, «свежесть», нестандартность ряда авторских метафор часто объясняется тем, что в процесс метафорического уподобления вовлекаются периферийные элементы соответствующего поля. Основой внутреннего единства этого объединения внешне гетерогенного собрания единиц является единство образа, образной абстракции, которые существуют «в нашем сознании в виде целостности даже при условии частичного, далеко не полного знания о явлении, которое выражает данный образ» [14. С. 34]

Тексты проявляют реальность и межфреймовых связей. Так, метафорическая модель «жизнь - это текст» через реализацию конкретизирующего варианта «жизнь - это сценарий» пересекается с другой базовой метафорической моделью - «жизнь человека - это театр». Представляется, что это все частные реализации более общей метафорической модели «жизнь человека - произведение искусства», включающей в качестве обязательного компонента образ Архитектора жизни (судьбы, Создателя). Так, в художественных произведениях мы находим широкий спектр такого рода метафориче-

ских уподоблений, среди которых модель «проживание жизни - это игра в спектакле»: «...она так усмехнулась, что будто я плоско пошутил или, подробнее, как будто все эти города, где нам рок назначал свидания, на которые сам не являлся, все эти платформы, и лестницы, и чуть-чуть **бутафорские переулки**, были **декорациями**, оставшиеся от каких-то других **доигранных жизней** и столь мало относившимися к **игре нашей судьбы**, что упоминать о них было безвкусно» (В. Набоков. Весна в Фиальте).

Вариантом развития общей модели является и метафорическая модель: «проживание жизни - это исполнение музыкального произведения»: «Я с удовлетворением отмечаю высшее достижение Мнемозины: **мастерство**, с которым она соединяет **разрозненные части основной мелодии**, собирая и **стягивая ландышевые стебельки нот**, повисших там и сям по всей **черновой партитуре** **былого**» (В. Набоков. Другие берега).

Еще один, вариант реализации общей модели - «жизнь - это картина»: «**Обнаружить и проследить на протя-**

жении своей жизни развитие таких тематических узоров и есть, думается мне, главная задача мемуариста». (В. Набоков. Другие берега).

Связь частных моделей в составе более общей доказывается наличием текстовых актуализаций такого соотнесения в пределах одного фрагмента, ср.: «... и тогда мне, шестилетнему, довелось впервые по-настоящему испытать древесным отдающий восторг **возвращения на родину** - опять же, милость судьбы, одна из **ряда прекрасных репетиций, заменивших представление**, которое, по мне, может уже не состояться, хотя этого как будто требует **музыкальное разрешение жизни**» (В. Набоков. Другие берега).

Приведенные примеры развития метафорических моделей в художественных текстах ясно свидетельствуют о принципиальной открытости метафорических моделей, их способности «ко все более детальному, не имеющему каких-либо границ развертыванию с использованием все новых и новых компонентов» [5. С. 43].

ЛИТЕРАТУРА

1. Поставалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 8-70.
2. Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999; Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999; Логический анализ языка. Языки пространств М., 2000.
3. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
4. Топоров В.Н., Иванов В.В. О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих семиотических систем // Структурно-типологические исследования. М., 1962.
5. Топорова Т.В. Культура в зеркале языка. М., 1996.
6. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
7. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. М., 1960.
8. Ричарде А. Философия риторики//Теория метафоры: Сборник / Сост. Н.Д. Арутюнова. М., 1990. С. 44-68.
9. Скребицова Т.Г. Американская школа когнитивной лингвистики. СПб., 2000. 204 с.
10. Словарь русского языка: В 4-х томах. 3-е изд. стереотип. М., 1985-1988. Т. 1-4.
11. Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нерелевантные слова. М., 1996.
12. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М, 1997.
13. ЛакоффДж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: Сборник / Сост. Н.Д. Арутюнова. М., 1990.
14. Меликов В.В. Введение в текстологию традиционных культур (на примере «Бхагавадгиты» и других индийских текстов). М.: РГТУ, 1999. 30 с.
15. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2001.
16. Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 2001. № 1.
17. ЮнгК.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
18. Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 33-44.
19. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

Статья представлена кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Филология» 25 января 2003 г.